

Тетрадки под дождём

Автор:

[Виктор Голявкин](#)

Тетрадки под дождём

Виктор Владимирович Голявкин

Внеклассное чтение (Росмэн)

В сборник вошли самые известные рассказы замечательного детского писателя Виктора Голявкина (1929–2001): «Тетрадки под дождем», «Яндреев», «Вот что интересно!» и другие. Герои этих веселых, ироничных и добрых рассказов – обычные мальчишки и девчонки. Они то и дело попадают в забавные переделки, но никогда не унывают и всегда готовы прийти на помощь друзьям.

Виктор Голявкин

Тетрадки под дождем

Живые картинки

Перед тобой очень необычный сборник. В нём не просто рассказы, а настоящие живые картинки. Короткие и очень короткие – такие, что читаешь, и сразу всё становится ясно про мальчишек и девчонок, о которых в них написано. И какие

они, и что любят, и что будут делать потом, и о чём мечтают, и чего боятся – всё-всё можно представить! Просто невероятно, как же так получается?

Может быть, секрет в том, что автор этих рассказов не только писатель, но ещё и художник. Зовут его Виктор Владимирович Голявкин. Родился он в городе Баку, и его мама и папа хотели, чтобы он стал... нет, не художником и не писателем, а музыкантом! Да-да, ведь и отец у него был музыкант, и мама играла на фортепиано, и своего сына они с самого детства учили музыке. В доме у них часто собирались друзья, тоже музыканты, и наверняка Витю нет-нет да и просили сыграть, похвастаться успехами. Он, конечно, играл и Баха, и Гайдна, и Моцарта, и Клементи. А потом, однажды, сыграв, может быть, Клементи, взял и нарисовал гостей. Вышло похоже и очень смешно. Вот тут-то родителям стало ясно, что у сына самый настоящий талант к рисованию. Они купили ему красок, и мальчик занялся тем, что он любит.

Но вскоре наступили трудные времена: началась Великая Отечественная война, и отец Вити ушёл на фронт. Семье жилось очень тяжело. Мальчик помогал родным как мог и, конечно, не переставал рисовать. И карикатуры на фашистов у него выходили так хорошо, что их даже печатали в газетах.

После войны он учился в художественном училище в Душанбе, потом – в Академии художеств в Ленинграде. И вдруг начал писать рассказы. Их печатали в журналах, а в 1959 году вышла и первая книжка «Тетрадки под дождём». Были и другие сборники рассказов и повести: «Ты приходи к нам, приходи», «Мой добрый папа», по которым сняли фильмы. А сборник рассказов «Весельчаки» был отмечен Почётным дипломом международной премии Х.-К. Андерсена.

Но конечно, дело не в наградах. Просто Виктор Голявкин писал так, что читать его никогда не бывает скучно. Как говорит его герой в повести «Мой добрый папа»: «Очень странные взрослые люди! Рассказывают одно и то же. Разве со мной так бывает? Каждый день у меня куча новостей. Что мне вспоминать что-то старое? Когда кругом одни новости!» Так и рассказы Голявкина похожи на яркие, свежие новости – самые забавные, самые необычные, словно подсвеченные волшебным фонарём живые картинки.

Как я боялся

Когда я впервые шёл в школу первого сентября в первый класс, я очень боялся, что меня там будут сразу что-нибудь сложное спрашивать.

Например, спросят: сколько будет 973 и 772? Или: где находится такой-то город, который я не знаю, где он находится. Или заставят быстро читать, а я не смогу – и мне поставят двойку.

Хотя родители меня уверяли, что ничего подобного не произойдёт, я всё равно волновался.

И вот такой взволнованный, растерянный, даже напуганный я вошёл в класс, сел за парту и тихо спросил своего соседа:

– Писать умеешь?

Он покачал головой.

– А девятьсот семьдесят три и семьсот семьдесят два можешь сложить?

Он покачал головой и испуганно на меня посмотрел.

– А быстро умеешь читать?

Он совсем перепугался, чуть под парту не полез. Читать он совершенно не умел.

Я кое-как читать умел, но всё равно боялся.

В это время учительница спросила меня, как моя фамилия, а я решил, что меня сейчас заставят быстро читать или слагать большие цифры, и сказал:

– Я ничего не знаю!

- Чего не знаешь? – удивилась учительница.

- Ничего я не знаю! – крикнул я испуганно.

- А как зовут тебя, знаешь?

- Не знаю! – сказал я.

- Ни фамилии своей, ни имени не знаешь?

- Ничего не знаю! – повторил я.

В классе засмеялись.

Тогда я сквозь шум и смех класса крикнул во всё горло:

- Свою фамилию и своё имя я знаю, но больше я ничего не знаю!

Учительница улыбнулась и сказала:

- Кроме имени и фамилии, никто вас больше спрашивать ни о чём не будет. Пока ещё никто из вас почти ничего не знает. Для этого вы и пришли в школу, чтобы учиться и всё знать. Вот с сегодняшнего дня мы и начнём с вами учиться.

Тогда я смело назвал свою фамилию и своё имя.

Мне даже смешно стало, что я сначала боялся.

А сосед мой назвал своё имя и фамилию раньше, чем его об этом спросили.

И мы помогали

Когда снег с крыши сбрасывали, мы всем двором помогали дворнику. На крышу нас, конечно, не пустили.

Тогда мы собрались во дворе, встали цепочкой, взявшись за руки, и никого не пускали в ту зону, куда снег падал.

Когда люди в эту зону шли, не подозревая об опасности, мы хором кричали:

– Сюда нельзя! В обход!

И все люди шли в обход.

На Ваську небольшой кусок снега упал. Кружился, кружился в воздухе и прямо Ваське на голову опустился. Васька только тряхнул головой, и этот снег на его голове растаял. Он потом всё повторял, что своей головой защитил других. Нескромно, я считаю, такие вещи заявлять. Тоже мне! Как будто это был какой-нибудь громадный кусок льда.

Нас всю дворник гнал, а мы не уходили. Так до конца помогали.

А дворник говорит, что мы мешали.

Как же так?!

Не может этого быть!

Яндреев

Всё из-за фамилии происходит. Я по алфавиту первый в журнале: чуть что – сразу меня вызывают. Поэтому и учусь хуже всех. Вот у Вовки Якулова все пятёрки. С его фамилией это нетрудно – он по списку в самом конце. Жди, пока его вызовут. А с моей фамилией пропадёшь. Стал я думать, что мне предпринять. За обедом думаю, перед сном думаю – никак ничего не могу придумать. Я даже в шкаф залез думать, чтобы мне не мешали. Вот в шкафу-то я это и придумал.

Прихожу в класс, заявляю ребятам:

– Я теперь не Андреев. Я теперь Яндреев.

– Мы давно знаем, что ты Андреев.

– Да нет, – говорю, – не Андреев, а Яндреев, на «Я» начинается – Яндреев.

– Ничего не понятно. Какой же ты Яндреев, когда ты просто Андреев? Таких фамилий вообще не бывает.

– У кого, – говорю, – не бывает, а у кого и бывает. Это позвольте мне знать.

– Удивительно, – говорит Вовка, – почему ты вдруг Яндреевым стал!

– Ещё увидите, – говорю.

Подхожу к Александре Петровне:

– У меня, знаете, дело такое: я теперь Яндреевым стал. Нельзя ли в журнале меня изменить? Чтобы я на «Я» начинался?

– Что за фокусы? – говорит Александра Петровна.

– Это совсем не фокусы. Просто мне это очень важно. Я тогда сразу отличником буду.

– Ах, вот оно что! Тогда можно. Иди, Яндреев, урок отвечать.

Всему своё место

Я бросил решать задачку и побежал в сад к ребятам. Бегу – навстречу идёт наш учитель.

– Как дела? – говорит. – Догоняешь ветер?

– Да нет, я так, в садик.

Иду рядом с ним и думаю: «Вот сейчас спросит меня про задачу – какой ответ получился, – а я что скажу? Ведь я ещё не успел решить».

А он:

– Хороша погода...

– Ну да, – отвечаю, – конечно...

А сам боюсь: про задачу вдруг спросит.

А он:

– Нос-то у тебя красный! – и смеётся.

– У меня всегда нос красный, такой уж у меня нос.

– Что ж ты, так и собираешься с таким носом жить?

Испугался я:

- А что мне с ним делать?

- Продать его и купить новый.

- Это вы шутите.

Он опять смеётся.

Я жду, когда же он про задачу спросит.

Так и не спросил про задачу. Забыл, наверное.

На другой день вызывает меня:

- А ну, покажи задачу.

Не забыл, оказывается.

Тетрадки под дождём

На перемене Марик мне говорит:

- Давай убежим с урока. Смотри, как на улице хорошо!

- А вдруг тётя Даша задержит с портфелями?

- Нужно портфели в окно побросать. Глянули мы в окно; возле самой стены сухо, а чуть подальше - огромная лужа. Не кидать же портфели в лужу! Мы сняли ремни с брюк, связали их вместе и осторожно спустили на них портфели. В это

время звонок зазвенел. Учитель вошёл. Пришлось сесть на место. Урок начался. Дождь за окном полил. Марик записку мне пишет: «Пропали наши тетрадки».

Я ему отвечаю: «Пропали наши тетрадки».

Он мне пишет: «Что делать будем?»

Я ему отвечаю: «Что делать будем?»

Вдруг вызывают меня к доске.

- Не могу, - говорю, - я к доске идти.

«Как же, - думаю, - без ремня идти?»

- Иди, иди, я тебе помогу, - говорит учитель.

- Не надо мне помогать.

- Ты не заболел ли, случайно?

- Заболел, - говорю.

- А с домашним заданием как?

- Хорошо с домашним заданием.

Учитель подходит ко мне.

- А ну, покажи тетрадку.

Я молчу.

– Что с тобой происходит?

Я молчу.

– Придётся тебе поставить двойку.

Он открывает журнал и ставит мне двойку, а я думаю о своей тетрадке, которая мокнет сейчас под дождём.

Поставил учитель мне двойку и спокойно так говорит:

– Какой-то сегодня ты странный...

Разговор по телефону

Надумали мы позвонить Анне Павловне, нашей учительнице. Не то чтобы нам нужно было позвонить, нам совсем не нужно было звонить, нам просто так захотелось, поговорить по телефону с Анной Павловной, тем более что мы с Анной Павловной по телефону никогда не говорили.

Мы влезли в будку-автомат вдвоём с Вовкой, и Вовка стал набирать номер, а я должен был говорить. Вот Вовка набрал номер, и я слышу в трубке голос Анны Павловны. Я растерялся и говорю:

– Кто говорит?

И Анна Павловна говорит:

– Кто говорит?

Я совсем растерялся и говорю:

– Я говорю.

Анна Павловна засмеялась в трубку и спрашивает:

– Это ты, Звёздочкин?

Значит, тоже узнала меня.

Я отвечаю:

– Ага, это я, Звёздочкин!

А Вовка меня в бок толкает и что-то советует. А я его рукой отстраняю: мол, не мешай разговаривать.

Анна Павловна говорит:

– Ну, я тебя слушаю, Звёздочкин.

Я говорю:

– И я вас тоже слушаю, Анна Павловна! Ох, и хорошо слышно!

Анна Павловна спрашивает:

– Ты что-нибудь хочешь спросить у меня? Так ты спрашивай. Не стесняйся.

Я кричу:

– Я ничего не хочу спросить! Я с Вовкой!

– Значит, Вова хочет спросить что-нибудь?

– Не! Вовке нечего спрашивать. Он просто так стоит!

Тут я опять растерялся. И Вовку шёпотом спрашиваю:

– Мы зачем звоним?

А он пожимает плечами. И молчит. А я на Вовку смотрю и не знаю, что мне отвечать. Нельзя же мне говорить такое, что мы просто так звоним. И Анна Павловна тоже молчит и ждёт, что я отвечу. Вот ведь попал в положение!

Вовке-то ничего, он стоит себе, а мне отвечать нужно! Я взял и дал Вовке трубку. Он тоже растерялся и на меня смотрит. Только рот раскрыл. И ни слова. Потом протягивает мне трубку, а из трубки гудки гудят.

Я на него набросился.

– Это ты, – говорю, – виноват! Нужно сразу было ответить, а ты молчал!

А он только руками развёл.

– Что бы я ответил?

И действительно, отвечать было нечего. Раз мы низачем звонили. Что я завтра скажу Анне Павловне, когда она спросит, зачем я звонил?

Абсолютно верно

– Ты опять завтракаешь на уроке? Валя быстро спрятала завтрак в парту. – Что будет, – сказал учитель, – если все будут завтракать на уроке?

Класс зашумел. Потому что каждый хотел сказать, что тогда будет.

Коля сказал:

– Будет очень смешно!

Миша сказал:

– Жеванье будет!

Маша сказала:

– Все сытые будут!

– А чего не будет? – спросил учитель.

Класс молчал. Чего не будет – никто не знал.

Учитель хотел уже сам ответить, как вдруг кто-то крикнул:

– Урока не будет!

– Абсолютно верно! – сказал учитель.

В шкафу

Перед уроком я в шкаф залез. Я хотел мяукнуть из шкафа. Подумают, кошка, а это я.

Сидел в шкафу, ждал начала урока и не заметил сам, как уснул.

Просыпаюсь – в классе тихо. Смотрю в щёлочку – никого нет. Толкнул дверь, а она закрыта. Значит, я весь урок проспал. Все домой ушли, и меня в шкафу

заперли.

Душно в шкафу и темно, как ночью. Мне стало страшно, я стал кричать:

- Э-э-э! Я в шкафу! Помогите! Прислушался - тишина кругом.

Я опять:

- О! Товарищи! Я в шкафу сижу! Слышу чьи-то шаги. Идёт кто-то.

- Кто здесь горланит?

Я сразу узнал тётю Ньюшу, уборщицу.

Я обрадовался, кричу:

- Тётя Ньюша, я здесь!

- Где ты, родименький?

- В шкафу я! В шкафу!

- Как же ты, милый, туда забрался?

- Я в шкафу, бабуся!

- Так уж слышу, что ты в шкафу. Так чего ты хочешь?

- Меня заперли в шкаф. Ой, бабуся!

Ушла тётя Ньюша. Опять тишина. Наверное, за ключом ушла.

Опять шаги.

Слышу голос Пал Палыча. Пал Палыч - наш завуч...

Пал Палыч постучал в шкаф пальцем.

- Там нет никого, - сказал Пал Палыч.

- Как же нет. Есть, - сказала тётя Нюша.

- Ну где же он? - сказал Пал Палыч и постучал ещё раз по шкафу.

Я испугался, что все уйдут, я останусь в шкафу, и изо всех сил крикнул:

- Я здесь!

- Кто ты? - спросил Пал Палыч.

- Я... Цыпкин...

- Зачем ты туда забрался, Цыпкин?

- Меня заперли... Я не забрался...

- Гм... Его заперли! А он не забрался! Видали? Какие волшебники в нашей школе! Они не забираются в шкаф, в то время как их запирают в шкафу. Чудес не бывает, слышишь, Цыпкин?

- Слышу...

- Ты давно там сидишь? - спросил Пал Палыч.

- Не знаю...

- Найдите ключ, - сказал Пал Палыч. - Быстро.

Тётя Нюша пошла за ключом, а Пал Палыч остался. Он сел рядом на стул и стал ждать. Я видел сквозь щёлку его лицо. Он был очень сердитый. Он закурил и сказал:

- Ну! Вот до чего доводит шалость! Ты мне честно скажи: почему ты в шкафу?

Мне очень хотелось исчезнуть из шкафа. Откроют шкаф, а меня там нет. Как будто бы я там и не был. Меня спросят: «Ты был в шкафу?» Я скажу: «Не был». Мне скажут: «А кто там был?» Я скажу: «Не знаю».

Но ведь так только в сказках бывает! Наверняка завтра маму вызовут... Ваш сын, скажут, в шкаф залез, все уроки там спал, и всё такое...

Как будто мне тут удобно спать! Ноги ломит, спина болит. Одно мучение! Что было мне отвечать?

Я молчал.

- Ты живой там? - спросил Пал Палыч.

- Живой...

- Ну сиди, скоро откроют...

- Я сижу...

- Так... - сказал Пал Палыч. - Так ты ответишь мне, почему ты залез в этот шкаф?

Я молчал. Вдруг я услышал голос директора. Он шёл по коридору:

- Кто? Цыпкин? В шкафу? Почему?

Мне опять захотелось исчезнуть.

Директор спросил:

- Цыпкин, ты?

Я тяжело вздохнул. Я просто уже не мог отвечать.

Тётя Ньюша сказала:

- Ключ унёс староста класса.

- Взломайте дверь, - сказал директор.

Я почувствовал, как ломают дверь, - шкаф затрясся, я стукнулся больно лбом. Я боялся, что шкаф упадёт, и заплакал. Руками упёрся в стенки шкафа, и, когда дверь поддалась и открылась, я продолжал точно так же стоять.

- Ну, выходи, - сказал директор. - И объясни нам, что это значит.

Я не двинулся с места. Мне было страшно.

- Почему он стоит? - спросил директор.

Меня вытащили из шкафа.

Я всё время молчал. Я не знал, что сказать. Я хотел ведь только мяукнуть. Но как я сказал бы об этом...

Вот что интересно!

Когда Гога начал ходить в первый класс, он знал только две буквы: О – кружочек и Т – молоточек. И всё. Других букв не знал. И читать не умел.

Бабушка пыталась его научить, но он сейчас же придумывал уловку:

– Сейчас, сейчас, бабуся, я тебе вымою посуду.

И он тут же бежал на кухню мыть посуду. И старенькая бабушка забывала про учёбу и даже покупала ему подарки за помощь в хозяйстве. А Гогины родители были в длительной командировке и надеялись на бабушку. И конечно, не знали, что их сын до сих пор читать не научился. Зато Гога часто мыл пол и посуду, ходил за хлебом, и бабушка всячески хвалила его в письмах родителям. И читала ему вслух. А Гога, устроившись поудобней на диване, слушал с закрытыми глазами.

«А зачем мне учиться читать, – рассуждал он, – если бабушка мне вслух читает».

Он и не старался.

И в классе он увиливал как мог.

Учительница ему говорит:

– Прочти-ка вот здесь.

Он делал вид, что читает, а сам рассказывал по памяти, что ему бабушка читала.

Учительница его останавливала. Под смех класса он говорил:

– Хотите, я лучше закрою форточку, чтобы не дуло.

Или:

– У меня так кружится голова, что я сейчас, наверное, упаду...

Он так искусно притворялся, что однажды учительница его к врачу послала.
Врач спросил:

- Как здоровье?

- Плохо, - сказал Гога.

- Что болит?

- Всё.

- Ну, иди тогда в класс.

- Почему?

- Потому что у тебя ничего не болит.

- А вы откуда знаете?

- А ты откуда знаешь? - засмеялся врач.

И он слегка подтолкнул Гогу к выходу.

Больным Гога больше никогда не притворялся, но увиливать продолжал.

И старания одноклассников ни к чему не привели. Сначала к нему Машу-отличницу прикрепили.

- Давай будем серьёзно учиться, - сказала ему Маша.

- Когда? - спросил Гога.

- Да хоть сейчас.

- Сейчас я приду, - сказал Гога.

И он ушёл и не вернулся.

Потом к нему Гришу-отличника прикрепители. Они остались в классе. Но как только Гриша открыл букварь, Гога полез под парту.

- Ты куда? - спросил Гриша.

- Иди сюда, - позвал Гога.

- Зачем?

- А здесь нам никто мешать не будет.

- Да ну тебя! - Гриша, конечно, обиделся и сейчас же ушёл.

Больше к нему никого не прикрепляли.

Время шло. Он увиливал.

Приехали Гогины родители и обнаружили, что их сын не может прочесть ни строчки. Отец схватился за голову, а мать за книжку, которую она привезла своему ребёнку.

- Теперь я каждый вечер, - сказала она, - буду читать вслух эту замечательную книжку моему сыночку.

Бабушка сказала:

- Да, да, я тоже каждый вечер читала вслух Гогочке интересные книжки.

Но отец сказал:

- Очень даже напрасно вы это делали. Наш Гогочка разлеился до такой степени, что не может прочесть ни строчки. Прошу всех удалиться на совещание.

И папа вместе с бабушкой и мамой удалились на совещание. А Гога сначала заволновался по поводу совещания, а потом успокоился, когда мама стала ему читать из новой книжки. И даже заболтал ногами от удовольствия и чуть не сплюнул на ковёр.

Но он не знал, что это было за совещание! Что там постановили!

Итак, мама прочла ему полторы страницы после совещания. А он, болтая ногами, наивно воображал, что так и будет дальше продолжаться. Но когда мама остановилась на самом интересном месте, он опять заволновался.

А когда она протянула ему книгу, он ещё больше заволновался.

- А дальше читай сам, - сказала ему мама.

Он сразу предложил:

- Давай я тебе, мамочка, вымою посуду.

И он побежал мыть посуду.

Но и после этого мама отказывалась читать.

Он побежал к отцу.

Отец строго сказал, чтобы он никогда больше не обращался к нему с такими просьбами.

Он сунул книгу бабушке, но она зевнула и выронила её из рук. Он поднял с пола книгу и опять отдал бабушке.

Но она опять выронила её из рук. Нет, раньше она никогда так быстро не засыпала в своём кресле!

«Действительно ли, – думал Гога, – она спит или ей на совещании поручили притворяться?»

Гога дёргал её, тормозил, но бабушка и не думала просыпаться.

А ему так хотелось узнать, что дальше происходит в этой книжке!

В отчаянии он сел на пол и стал рассматривать картинки. Но по картинкам трудно было понять, что там дальше происходит.

Он принёс книгу в класс. Но одноклассники отказывались ему читать. Даже мало того: Маша тут же ушла, а Гриша вызывающе полез под парту.

Гога пристал к старшекласснику, но тот щёлкнул его по носу и засмеялся.

Как дальше быть?

Ведь он так никогда и не узнает, что дальше в книге написано, пока не прочтёт её.

Оставалось учиться.

Читать самому.

Вот что значит домашнее совещание!

Вот что значит общественность!

Он вскорости прочёл всю книгу и много других книг, но по привычке никогда не забывал сходить за хлебом, вымыть пол или посуду.

Вот что интересно!

Кому что удивительно

Танька ничему не удивляется. Она всегда говорит: «Вот уж неудивительно!» – даже если бывает и удивительно. Я вчера на глазах у всех перепрыгнул через такую лужу... Никто не мог перепрыгнуть, а я перепрыгнул! Все удивились, кроме Тани.

– Подумаешь! Ну и что же? Вот уж неудивительно!

Я всё старался её удивить. Но никак не мог удивить. Сколько я ни старался.

Я из рогатки попал в воробышка.

Научился ходить на руках, свистеть с одним пальцем во рту.

Она всё это видела. Но не удивлялась.

Я изо всех сил старался. Что я только не делал! Залезал на деревья, ходил без шапки зимой...

Она всё не удивлялась.

А однажды я просто вышел с книжкой во двор. Сел на лавочку. И стал читать. Я даже не видел Таньку. А она говорит: – Удивительно! Вот не подумала бы! Он читает!

Быстрее, быстрее!

Наши шефы, шестой «А», соревновались с шестым «Б» – кто лучше и быстрее поможет одеться в раздевалке своим подшефным. И вот после звонка мы помчались в раздевалку, и тут началось это одевалочное соревнование. Два шестых уже ждали своих первоклассников. Очень строгое жюри устроилось на подоконнике, чтобы лучше видеть. Пятьсотсвечовые лампочки вкрутили дополнительно к дневному свету. Самодеятельный школьный струнный оркестр расположился невдалеке. Оркестр грянул – и пошло! Ох, что тут было!

Моим шефом был Светик Костров. Он очень волновался. Как только я подбежал к нему, он заорал:

– Давай ногу! Ну! Ногу давай! Суй в ботинок ногу и не рассуждай, малыш! Нужно быстрее! Ты быстрее можешь? Ну! – С трудом он запихивал мою левую ногу в правый ботинок, и я не рассуждал. – Не везёт, вот напасть! – ворчал он и тряс меня за ногу изо всех сил.

Но я держался за вешалку и не падал. Вешалка качалась, и сверху падали шапки.

– Давай другую ногу! Побыстрее! Ну! И не рассуждать!

– Как же я тебе другую ногу дам? – сказал я. – На чём же я тогда стоять буду?

– Не рассуждай, малыш, много ты понимаешь!

– Отпусти мою ту ногу, – сказал я, – тогда я тебе дам эту.

– Ну, быстрее давай, не рассуждай!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/golyavkin_viktor/tetradki-pod-dozhdem

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)